

Лилит Мазикина

ЦЫГАНСКИЕ РАССКАЗЫ

Лилит Мазикина
Цыганские рассказы

«Издательские решения»

Мазикина Л.

Цыганские рассказы / Л. Мазикина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960617-4

Три реалистичных рассказа из цыганской жизни в трёх разных странах:
России, Болгарии и Германии двадцатого и девятнадцатого веков.

ISBN 978-5-44-960617-4

© Мазикина Л.
© Издательские решения

Содержание

Роковые тапочки	6
Платье	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Цыганские рассказы

Лилит Мазкина

© Лилит Мазкина, 2018

ISBN 978-5-4496-0617-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роковые тапочки

Как и водится в таких случаях, ничто не предвещало беды. Утро воскресенья выдалось солнечным и тихим, так что проснулся Григорий с удовольствием. Он был вообще мужчиной жизнерадостным и не любил расстраиваться из-за пустяков. Григорий с удовольствием потянулся, с удовольствием оделся и с огромным удовольствием позавтракал. После чего взял сигареты, зажигалку и пошёл покурить на свежем воздухе.

Но едва он сделал первую затяжку, как всё его замечательное настроение улетучилось.

Нет, с сигаретой было всё в порядке. Просто в этот момент Григорий кинул нежный взгляд на любимую машину – вишнёвого цвета БМВ, которую любил сильней и трепетней жены Пэпуши, а уж над его любовью к Пэпуше весь посёлок посмеивался, называя их «Ромео и Джульеттой». Такое прозвание нередко шокировало русских гостей: и Григорий, и Пэпуша были немолодыми грузными людьми.

Итак, наш немолодой «Ромео» кинул нежный взгляд на машину и обнаружил ужасное.

На вишнёвом капоте стояли тапочки.

Казалось, что тут такого? Тапочки и тапочки, на пластиковой подошве, в сине-жёлтую клетку. Такие тапочки на прошлый Новый Год цыганский женсовет области подарил каждой женщине посёлка, сумевшей высидеть лекцию о необходимости полного среднего образования в современном обществе.

В том-то и был ужас, что тапочки были женские.

Как известно каждому приличному цыгану, выше пояса цыганка свята, ниже пояса же источает скверну. Трусики, нижняя юбка или обувь – всё это также переносит скверну. Вещь, на которую поставили женские тапочки, безнадежно «испоганена», её нельзя касаться, кроме как через толстую ткань, а пользоваться и подавно.

– Ой, Бог Отец, за что мне такое наказание, – вскричал Григорий. – Разве я какую женщину обидел, что она такую жестокость мне учинила?!

Каждый цыган в душе поэт и любое своё чувство выражает художественно даже там, где русскому человеку на ум идёт одна только фраза «ну ёооптвоямаааать!»

На стенания страдальца выглянули из дверей и окон цыгане, высыпали любопытные ребята. Младший сынок Григория, шестилетний Васька, высунул курчавую голову над перилами, пытаясь разглядеть, что расстроило отца.

– Папа, смотри, у тебя на машине мамины тапочки! – радостно сказал он.

Тут уже и взрослые, охая, ахая и обсуждая происшествие, выбрались на улицу и плотно обступили автомобиль.

– О глупая женщина, я ли не был лучшим из мужей?! Не у меня ли ты ходила, бищасная, барыней, не я ли тебе дарил, дурной бабе, подарки? Всё, что душенька твоя попросит, покупал тебе по первому слову, букеты дарил, как царице, лучшую тебе одежду покупал! За что ты так жестоко поступила со мной, глупая женщина?! – возмущённо кричал Григорий. Предательство жены разбило ему сердце второй раз за утро.

– Вот оно как, с бабой так носиться! Ты ей добро, а она тебе гадостей ведро! Баба должна место своё знать! – заговорили цыгане и так свирепо начали смотреть в сторону своих жён, что те сбились стайкой и на всякий случай прятались одна за другую. В невозмутимом спокойствии остались только две старые вдовы, Марья Михай и Марья Гоман. Их пышные фигуры и послужили основным укрытием остальных цыганок.

– Глупая женщина, обманщица, бесчестная! – с чувством выкрикивал «Ромео».

– Что ты, Гришенька, что же я сделала такого, что так проклинаешь меня? – раздался за спиной жалобный грудной голос Пэпуши.

Григорий резко обернулся, чтобы в самых поэтичных выражениях высказать, что такого она ему сделала, и осёкся. Его благоверная, видно, только приняла душ и выскочила на крики, не успев толком привести себя в порядок. Она стояла в дверях в намотанном на голову полотенце, в банном халате, из-под которого в прорезь видна была полоска нижней юбки, и... в своих тапочках. Её большие чёрные глаза блестели от подступающих слёз.

– Гришенька, всё исправлю, всё, что захочешь, сделаю, только не сердись на меня, прости меня, ради Бога Отца! – молила Пэпуша. Не находя, что сказать в такой ситуации, Григорий молча ткнул пальцем в сторону машины. «Джульетта» подошла к перилам, и робость её тут же сменилась возмущением.

– Смотрите, цыгане, что творится! Доброму цыгану ни за что ни про что машину испоганили! Цыганки, разве сказал он кому из вас дурное слово, разве сделал кому дурное дело?! У какой из вас хватило бесчестности так поступить?! Ой, Гришенька, что ж делать, Бог наш Отец! Такая хорошая машина, совсем ещё новая!

В течение речи, которая представлена здесь в значительном сокращении, Папуша подчёркивала силу своего негодования энергичными сотрясениями простёртых рук.

Тут наконец подошёл глава табора, Антоний Гоман.

– Помолчи, цыганка! – строго сказал он и внимательно оглядел место происшествия. Для этого ему понадобилось, дымя папироской, несколько раз обойти поруганный автомобиль, а затем пристально посмотреть в глаза каждому из присутствующих. Наконец, он вынес вердикт:

– Плохое дело. Испортили машину.

Несомненно, это были мудрые слова, но они требовали дополнения.

– Что же мне теперь делать, Антоний? – спросил Григорий. – Ведь новая машина-то, жалко-то как!

Женщины, радуясь, что тема дискуссии немного изменилась, начали наперебой повторять вопрос самыми что ни на есть жалобными и взывающими к просвещению голосами.

– Помолчите, цыганки! – вновь прикрикнул глава. – Я так думаю, машину нужно продать. Какому-нибудь русскому.

У Григория чуть не подкосились ноги. В такой ситуации даже цыганское красноречие спасовало, и «Ромео» только и смог повторить:

– Продать!

Затуманившимся взглядом он посмотрел на свою ласточку, своего верного железного скакуна. «Продать», звенело у него в ушах, как предсмертный приговор. А ведь он же сам её обихаживал, каждый уголочек тряпочкой обтирал, каждая деталь мотора побывала у него в руках... Григорий чуть не застонал от непосильной муки, пронзившей его сердце. Продать!..

– Что же ты, Антоний, сразу «продать», – подал из толпы голос Богдан Гоман, мужчина такой же солидный, как и сам глава, с которым они были двоюродными братьями. – Я вот думаю, можно же батюшку позвать и освятить скакуна-то. Сила Божия, она же в помощь людям.

– Освятить? Хм, – Антоний достал из кармана мятую коробку, вынул очередную папироску и прикурил от предыдущей. Затем посмотрел на тапочки и задумчиво повторил:

– Освятить? Хм...

Это значило, что глава табора не уверен и предоставляет решение вопроса на коллективный таборный разум. Разум оживился и начал дебаты.

– Да какой там батюшка, какие там молитвы! Разве святой водой такую скверну сможешь? – горячились одни. – Это где же такое слыхано?

– Да разве ты не христианин, что так говоришь? – кричали другие. – Нет сильнее Божией силы! Хорошей молитвой не то, что машину, может, даже и сами тапки очистить можно! Разве не знаешь ты истории, как Христос воду в вино превратил? Что же ты говоришь!

– Может, нам теперь женские юбки все перекрестить и на голову себе понадевать? – не сдавались первые.

Не утерпели, ввязались в дискуссию и женщины, выкрикивая с места свои соображения. Как водится при живом цыганском разговоре, в воздухе метались, словно танцуя, смуглые руки.

Антоний Гоман спокойно разглядывал тапочки, дымя папироской и втиснув пальцы в карманы брюк. Его лицо имело странное выражение, как будто он про себя посмеивался над чужой бедой. Но конечно, это только казалось. Глава был хорошим человеком и никогда бы себе такого не позволил.

Раскрыв рты, заворожённо глядели со стороны дети.

Пэпуша успела убежать в дом, привести себя в приличный вид и вернуться, а Григорий всё стоял, держась обеими руками за сердце, и что-то бормотал себе под нос.

И вот, когда страсти уже достигли такого накала, что почтенные цыгане готовы были друг друга за грудки хватать, а нашему «Ромео» было впору вызывать «Скорую», Антоний вдруг крикнул зычным голосом:

– Тихо, цыгане!

Тишина установилась такая, словно всё действие происходило на телеэкране, и кто-то случайно нажал на кнопку «отключить звук». Все, от мала до велика, повернулись к главе, а сам Антоний поднял голову и сказал по-русски:

– Доброе утро, Саша. Что ты хотел?

На балконе второго, «мужского» этажа, действительно, маячил Саша, фотограф, приехавший накануне в гости в табор и оставшийся ночевать у Григория. Был он всклокочен и расхристан, по всему видно – проснулся только что и едва успел натянуть джинсы и рубашку. Саша близоруко щурился и явно нервничал.

– Антоний Стефанович, – жалобно сказал он. – Понимаете, тут такая штука, у меня тапочки куда-то девались. Купил накануне, в пакете на балконе оставил. Пакет есть, тапочек нет. Я имею в виду, может быть, дети поиграть взяли? Мне бы их тогда вернуть бы, а? А то ведь уже уезжаю...

Антоний аккуратно смял и выкинул в уличную пыль папироску, широко улыбнулся и вдруг подхватил роковые тапочки правой рукой.

– Сорок четвёртый размер, – сказал он, постукивая пальцем левой по подошве. – Скажите, цыганки, кто из вас такого размера обувку носит, а?

Цыгане и цыганки смотрели на тапочки в его руках, и по лицам их начали расплзаться понимающие улыбки. Расцвела улыбка и на круглом лице Пэпуши, и вдруг она, вскинув руки, звонким, молодым голосом закричала:

– Урэ, цыгане!!!

И многоголосый, счастливый, захлёбывающийся смехом хор подхватил:

– Урэ! Урэ! Урэ, цыгане!..

Платье

Сандра не могла сдерживать слёз. Уже через два месяца она поедет в Стару Загору – в первый раз в жизни! – и в таком ужасном платье? Ну неужели нельзя постараться для единственной внучки? Не может быть, чтобы бабушка с дедушкой не отложили хоть немножечко денег, все старики откладывают деньги.

– Бабулечка, оно же совсем немодное!

– Оно шикарное. Посмотри, какие розы! – бабушка пошире развернула на руках пышную голубую юбку, чтобы лучше видна была крупная вышивка по подолу.

– Бабулечка, эта юбка... она же огромная! Так никто не носит! Ба...

– А тебе лишь бы задницей перед мальчишками повертеть. Отличная юбка и всё платье отличное. Другого нет! Или в нём поедешь, или вообще в джинсах, – бабушка сердито принялась вдевать в ворот платья вешалку, а Сандра не выдержала и зарыдала в голос. И за что к ней так жизнь не мила? И сирота она, и хромоножка, и лицо – как подгоревший пирог, а теперь ещё придётся ей ехать в Стару Загору в платье Золушки из мультика. Все только и будут, что смеяться над ней! А то и вообще придётся без платья там танцевать. Непонятно, что хуже.

Но ведь до ярмарки ещё два месяца, неужели ничего нельзя придумать?

– Раз у тебя так много лишних слёз, возьми в руки тряпку и помой ими пол, – крикнула бабушка из спальни. Сандра, не смея послушаться, взяла ведро с остатками воды и принялась тереть тряпкой пол на кухне.

Если бы у них были красивые блестящие шторы, уж она бы сумела упросить бабушку отдать их и сшила бы платье сама. У неё бы точно получилось, Сандра – девчонка рукастая. Но на окнах кухни висели куцые пёстрые занавесочки, у бабушки в спальне – посеревший от времени тюль, а других комнат и, значит, других штор в доме не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.